

СВИДЕТЕЛИ ПРАВДЫ И ПРОБЛЕМА ТРАДИЦИИ

...Крепки узы Господней любви,
крепче мук родов и смертных мук.

Преп. Ефрем Сирин¹

Свидетели — «уходящее поколение»?

Вопрос о том, «являемся ли мы свидетелями правды?», — ключевой богословский вопрос митрополита Антония Сурожского, по праву именуемого сегодня отцом Церкви. Не безошибочность мнений, а готовность ставить себя под вопрос сообщает энергию и плодотворность его вопрошанию. «Являемся ли мы *свидетелями*, что жив Господь, что я — Его, что Он мне дорог, что Он мне близок, что Он — моя жизнь, что Он — *правда жизни, и единственная правда*?»²

Попытаемся осознать кардинальное значение этого вопроса для верного понимания церковного предания. Православные всегда говорят о предании. Но что понимают под этим словом? Епископ Каллист для ответа на этот вопрос развивает мысль патрологов XX века: «*Предание есть свидетельство Духа*: “Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину” (Ин 16:13). Именно это божественное обетование составляет основу православной верности преданию»³. Свидетельство — выражение самой сути Предания, понятого не статично, а динамично. Категория «свидетельства» неразрывно связана с категорией «предания»: эту первохристианскую связь из-под спуда вековых напластований

---

¹ Преп. Ефрем Сирин. Семь сынов Самоны // Преп. Ефрем Сирин, свят. Григорий Богослов, Палладий Еленопольский, преп. Роман Сладкопевец, преп. Исаак Сирин, преп. Иоанн Дамаскин, преп. Феодор Студит. Многоценная жемчужина / Пер. С.С. Аверинцева. К.: Дух и литера, 2003. С. 12.

² Митр. Сурожский Антоний (Блум). Пути христианской жизни. К.: Дух и литера, 2000. С. 260. (курсив мой. — К.С.)

³ Еп. Диоклийский Каллист (Уэр). Православная Церковь. М.: ББИ, 2001. С. 207.

явили деяния мучеников XX века¹. По слову св. Поликарпа, они явили «образы подлинной любви... пленники в почетных оковах — венцах истинных избранников Божиих» (Послание к филиппийцам. 1, 1).

Забвение этой связи, оттеснение ее на второй план является важной проблемой экклесиологии. Поверхностный взгляд на «свидетельство» искажает отношение к «преданию» — лишает верной перспективы понимание традиции. Но верно и обратное: нарушение преемственности и передачи лишает нас доступа к утраченной «жемчужине» свидетелей Церкви Христовой. Ширится «шум в эфире», заглушающий глубокие и негромкие голоса. Не только в высших и средних школах, но и на приходах мы сталкиваемся с равнодушием к этой теме, с гласно или негласно принимаемым приговором: «Это все в прошлом». Сопротивление такой тенденции дело нелегкое, но и неотложное, быть может, первое дело поколений, вступивших в новую эпоху. Попробуем вслушаться в тревогу, звучащую в голосе Владыки Антония, друга и преемника целого «облака свидетелей» (Евр 12:1).

«Чем дальше идут годы, тем меньше вокруг нас остается сверстников, тех, кто пережил одно и то же с нами, кто все с нами разделил, с кем нужды нет долгой речью объясняться...»²

Вслушаемся снова в вопрос, с которым обратился Владыка Антоний к представителям «Руси уходящей»: «Являемся ли мы свидетелями, что жив Господь, что я — Его, что Он мне дорог, что Он мне близок, что Он — моя жизнь, что Он — правда жизни, и единственная правда? Является ли наше присутствие среди людей живым доказательством, что все это так? Или же (потому что другого пути нет, нет третьего выхода) по мере того, как сковывают годы, мы являемся свидетелями того, что в жизни нет смысла...»

Углубленный взгляд на эту проблему отбрасывает известный стереотип, согласно которому кто-то может быть свидетелем, а другой может им не быть. Но представление о нейтральной позиции утопично. Выбор перед нами стоит иной: либо мы свидетельствуем о бессмыслице, либо — о смысле. «Третьего выхода» у нас нет. Мы живем без «алиби» — нам не дано никак не относиться к свидетелям.

¹ Irène Semenoff-Tian-Chansky. Témoins de la Lumière. Six prêtres de l'époque soviétique. Paris: Les Éditions du CERF, 1999.

² Митр. Сурожский Антоний (Блум). Цит. соч. С. 256.

Тревогу о разрыве преемственности нельзя заглушить, но в ней можно расслышать зов и попытаться на него отозваться: «Те, кто молод, должны вдуматься в судьбу тех, кто стареет, и не только помочь им стареть достойно, но не утратить последней возможности стать преемниками того, чего никогда больше не будет»¹.

Конфликт «отцов» и «детей» сегодня усугублен особым историческим контекстом. Это часто не учитывают, сводя дело к персональным разногласиям. Исправить такое сужение перспективы помогает взгляд историка: «Наше время, конечно, не первое, которое по опыту узнало о проблемах и трудностях в общении между поколениями. Любая эпоха знала эти трудности, и даже конвенциональное прикрашивание не могло всерьез сделать их сколько-нибудь менее заметными. Отказ от всякого прикрашивания сам по себе оправдан; но нельзя не чувствовать, что в наше время слишком ощутима активная заинтересованность в том, чтобы как можно больше приблизить генерационное разобщение к теоретической и фактической абсолютизации»².

Кризис традиций образования, семьи, базовых институций гражданского общества сегодня констатируют клирики, врачи, психологи, социологи, военные, учителя. За всем многообразием симптомов этой болезни важно разглядеть, что *корень кризиса традиции — в кризисе свидетельства*.

О какой правде приносится свидетельство?

Сложность данной проблемы требует особого внимания при переходе к решающему вопросу: на чем сосредоточен сам свидетель? О какой правде приносится свидетельство?

«Со времени русской революции, среди непрекращающихся гонений, то жестоких и явных, то тайных и скрытых, развилось новое мировосприятие»³. Новое отношение к миру, родившееся как ответ на гонения, не укладывается в распространенные взгляды на мартиролог XX столетия. Статистика и несчетные описания мук и мытарств, фотографии жертв

¹ Там же. С. 254.

² *Аверинцев С.С.* Солидарность поколений как фактор гражданской свободы // *Семья в постатеистических обществах*. К.: Дух и литера, 2003. С. 5-6.

³ *Митр. Сурожский Антоний (Блум)*. Труды. М.: Практика, 2002. С. 366.

ГУЛАГа и архивные документы подобны полю, усеянному костями в видении Иезекииля (37:1-14)¹. Одни способны усматривать в них почву для уныния и нигилизма, другие — для мести или реванша. Но такие поверхностные взгляды, как слой льда, отдаляют нас от глубинных мотивов свидетельства. «Главное в мученике — не кровь, а неизменная, неизменяющая любовь. Дело не в тиграх и львах. Многие люди погибали, растерзанные хищными зверьями, но только те, чья смерть была проявлением милосердной любви, то есть любви к Богу и любви к людям, погибли мучениками в основном смысле этого слова *martis*, то есть свидетелями»².

В слове Владыки Антония мы слышим неискаженный голос исповедников, чье осмысление собственного пути чудом уцелело и стало исключением из правил массового и безымянного уничтожения. Самосознание этого сонма безвестных свидетелей правды точно передал погибший на допросах в 1937 году новомученик свящ. Александр Глаголев, последний ректор Киевской Духовной Академии: «Только тогда страдания христианина будут подобны страданиям Христа и спасительны для страдальца, когда он среди страданий сохранит и правую веру, и твердую любовь к Отцу Небесному, вразумляющему бедствиями, а также братскую любовь к ближним, не исключая и врагов своих»³.

Отметим знаменательное единство в определениях специфики христианского мученичества, данных о. Александром Глаголевым и митрополитом Антонием: в них мы слышим переключку двух поколений и двух различных путей при полном единстве духа. В нем открыта возможность подлинного свидетельства о свидетелях. Ограничимся одним примером из приводимых Владыкой Антонием: «В 1923 году в Петрограде проповедует молодой священник. Его арестовывают за проповедь Евангелия, сажают в тюрьму, допрашивают, пытаются, бьют, через несколько месяцев выпускают. Он попал туда молодым человеком, полным силы, жизни и энер-

¹ См. собрание документов и библиографию в двухтомном труде: Русская Православная Церковь в советское время (1917-1991): Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью В 2-х кн. / Сост. Герд Штриккер. М.: Пропилей, 1995.

² Митр. Сурожский Антоний (Блум). Цит. соч. С. 943-944.

³ Свящ. Александр Глаголев. Купина Неопалимая. К.: Дух и литература, 2002. С. 6.

гии, он вышел из заключения седым, разбитым стариком. Близкие окружают его и спрашивают: «Что осталось от тебя после этих месяцев?» И он отвечает: «Страдание выжгло все. Осталось одно — любовь»¹.

На этом-то неуничтожимом «остатке» — любви — и стоит свидетельство правды, а без него оно исчезает. Критерий правды — «закон любви»; это библейское словосочетание митрополит Антоний раскрывает своей формулой: «строгое требование безграничной любви». Такое определение помогает нам понять, в частности, что суть свидетельства как *деяния* отсутствует в его следственном «деле». Протоколы допросов еще меньше, чем отпечатки пальцев, говорят о лице того, в ком «страдание выжгло все».

Исторический контекст и «микроистория»

Сегодня историки Церкви привлекают внимание к проблеме истолкования результатов переписи населения в СССР в 1937 году². Более половины многомиллионного населения СССР после двадцати лет атеизма, насаждаемого тоталитарным государством, черным по белому вписало в анкеты положительное исповедание веры. Как объяснить такое обширное отклонение от «генеральной линии»? В годы Большого Террора для всех был ясен риск и последствия публичного исповедания веры (анкеты не были анонимными). Для истолкования этой аномалии не достаточно скудных социологических данных о сословиях, уцелевших после «большого перелома», или приблизительного подсчета сторонников нового режима и старого. В этом вопросе историческое понимание особенно остро нуждается в «микроисторическом» подходе, в кропотливом и вдумчивом освещении общего контекста конкретными образцами свидетельств. Поясню эту мысль примером, помогающим за цифрами переписи разглядеть смысл и цену, которой они оплачены.

Всесоюзная перепись 1937 зарегистрировала более высокий уровень исповедания веры в сельской местности, чем в городах. Образцовым заповедником атеизма намеревались

¹ Митр. Сурожский Антоний (Блум). Цит. соч. С. 944.

² См.: Жиронская В.Б. Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1990; Щипков А. Во что верит Россия: Курс лекций. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1996. С. 2.

власти сделать земли Беларуси. Сюда после первого ареста в 1930 г. возвращается протоиерей Иоанн Воронеж. Его храм в Смиловичах закрывают власти в 1935 году. Когда началась всесоюзная перепись, о. Иоанн настойчиво говорит людям, чтобы они не боялись властей и в официальной анкете записывались верующими, исповедуя таким образом Христа и Его Церковь. Независимый характер священника и то уважение, которым он заслуженно пользовался среди жителей Смиловичей, все более озлобляли власти. «17 июля отца Иоанна арестовали вторично. Во время мучительных допросов он никого не оговорил. О. Иоанн был расстрелян в день Преображения Господня 19.08.1937»¹.

Жертвенное, евхаристическое служение исповедников, согласно древнему правилу «дай кровь, прими Дух», совершается и в те страстные дни истории, когда храмы отбраны и литургия под запретом. Свидетельский опыт XX столетия явил новые формы «литургии до и после литургии». Для совершения литургии живой свидетельский акт так же существенен, как частица мощей в антиминсе.

Свидетельским актом после гибели отца Александра Глаголева в 1937 г. стало принятие священнического служения его сыном Алексеем Александровичем Глаголевым. В 1941 г. в Киеве он спасает множество семей от гибели в Бабьем Яру. В годы хрущевских гонений о. Алексей Глаголев лишается храма, но вплоть до начала 1970-х годов продолжает сопротивление повальному атеизму². Аналогична судьба протоиерея Георгия Едлинского, сына новомученика свящ. Михаила Едлинского (1859-1937)³. Свет Предания в этих свидетельских актах светит во тьме, которая не в силах «объять его» (Ин 1:5).

Встреча-свидетельство

Ускользает от статистики число встреч-свидетельств и описание их главных типов. По понятным причинам они были, как правило, тщательно таимы. Но о самой реальности этих встреч, оставшихся безымянными в глуши брежнев-

¹ Жития священномучеников Минской епархии. Минск, 2002.

² Свящ. Алексей Глаголев. За други своя // Купина Неопалимая. К.: Дух и литера, 2003. С. 202.

³ Едлинский Михаил, Едлинский Георгий. Любящее Господа сердце. К.: Дух и литера, 2004.

ского безвременья, говорит, например, такое описание: «Он говорил, глядя нам прямо в глаза, его речь шла так же прямо в сердце, каждое слово было живым и до краев, до тяжести, до преизбытка полно смыслом...»¹

Тысячи людей в этих словах С.С. Аверинцева узнают свой опыт встречи с митрополитом Антонием. Речь идет о конкретном историческом опыте, а не об «идеальном типе» социологов или «архетипе» психологов. Перед нами важный исторический документ — точное описание «отпевания» эпохи разобщенности, подозрительности и страха: «Он стоял с крестом и оглядывал отдельно — совсем отдельно! — каждого из нас, подходивших приложиться к кресту: так, как если бы каждый был единственным, единственным в храме, единственным во всем мире».

«Разрыв традиции» и «железный занавес», казалось бы, никто в этот день не отменял: но контрабандная передача живого Предания веры совершалась на глазах у встретившихся в это мгновение людей. Между ними могло и не быть обмена репликами, но неотменимый и полновесный акт свидетельства запечатлялся печатью взгляда: «Этот сосредоточенный взгляд одновременно принимал каждого из нас в очень тесное, близкое, очень реальное общение — и был прямо-таки пронзительно строг, требователен, взыскателен». В этом предельно тесном общении загорались не легко задуваемые свечи, а те потаенные глубины человека, где луч уходит в безграничный простор любви; на исток этого света Владыка Антоний указывает в истолковании Молитвы Господней: «Отец — это тот, кто воспитывает строгим требованием безграничной любви, кто ни на какие компромиссы не готов идти и требует от нас, чтобы мы были тем, к чему мы призваны, кто не удовлетворяется ничем в нас, что ниже нашего достоинства». Сын от Отца, свет от света, ближний от ближнего — звенья этой цепи больше не сводились к метафоре: «Кто умеет так поглядеть, а после так вести беседу о проблемах, которые мы, безжалостно отнимавшие у него каждую свободную минутку, несли к нему, тот имеет право говорить о грозной взыскательности неустояющей любви: это не красноречие — он знает, о чем говорит. Любовь, открытость — — без замазывания острых уг-

¹ *Сергей Аверинцев. Владыка Антоний // Образование и семья в постатеистических обществах. К.: Дух и литера, 2003. С. 265.*

лов. Требовательность — но обращенная от сердца к сердцу»¹.

Мы столь подробно останавливаемся на «микрокосмосе» встречи человеческих лиц, чтобы мыслительная оглядка на такие примеры сообщила нам критерий и меру различения. Внимание к рассказу очевидца, к ближайшим историческим примерам может помочь избежать поверхностного подхода к таким привычным понятиям, как «предание» и «свидетельство».

«Первые шаги...»

Нам предстоит осмыслить специфику опыта исповедников нашей эпохи, не только глубоко связанного с опытом мучеников первых веков христианства, но и отличающегося от него многими чертами. Мы далеки от широкого изучения этого вопроса, но важна сама постановка его для переосмысления собираемых данных. После времен Просвещения и романтизма обширное влияние на всю систему европейского образования оказали «учителя подозрения» — так Маркса, Ницше и Фрейда назвал Поль Рикер.

Атеизм в его различных версиях продолжает оказывать значительное влияние на высшее и среднее образование. Анализ и оценка тоталитарного использования атеистической идеологии не остались в прошлом, они являются настоящим и будущим делом церковной мысли. Направляя детей в средние и высшие школы, мы во многом продолжаем отдавать их на выучку в «школу подозрения». Оттого и ускользает от привычных навыков мышления то фундаментальное свидетельское измерение, которому посвящена наша тема... Новым поколениям незнакомы такие черты нашего опыта, как заповедник антирелигиозной пропаганды на территории закрытой в годы хрущевских гонений Киево-Печерской Лавры или безмолвное свидетельство икон в музеях атеизма. Но в конце концов среди нас еще живы те свидетели гонимой правды, с которых собственно и началась постатеистическая эпоха. Внимание к их опыту и простая интеллектуальная честность по отношению к историческому опыту выходцев из СССР требует осмыслить нашу эпоху не как постхристианскую (о чем сегодня много говорят), но как постатеистическую.

¹ Там же. С. 265-266.

Развитием этой мысли призвано стать истолкование опыта исповедников Христовых XX столетия в категориях философии свидетельства¹. Таков горизонт герменевтики нашей эпохи, здесь ее ожидают основные труды и трудности. Из современной практической философии выпадает то срединное — свидетельское — звено, которое могло бы стать связующим. Эта проблема затрагивает методологическую причину разрыва между богословием и жизнью, между экклезиологией и церковной практикой².

В свидетелях правды нам явлена крепость тех уз предания, которые, по слову преп. Ефрема Сирина, «крепче мук родов и смертных мук» (см. эпитафия). Они возвращают нашу мысль к экклезиологическому определению преп. Ефрема Сирина: «Церковь — это не общество торжествующих святых, это толпа кающихся грешников». Акцент на слове «кающихся» определен *кенотическим* направлением экклезиологии митрополита Антония, подчеркивающего актуальность мысли преп. Ефрема Сирина: «Разница между теми грешниками, которые составляют Церковь, и теми грешниками, которые Богу чужды, определяется именно этим словом “кающиеся”»³. Из кающихся Дух поставляет свидетельствующих.

В работе «Семя Церкви: мученичество как всеобщее призвание» епископ Каллист приводит мысль святого Киприана Карфагенского о «красном» и «белом» мученичестве: «“Красное” — мученичество крови, пролитой во времена гонений, “белое” — мученичество жертвенного сострадания и дел милосердия в мирные времена»⁴.

Смысл «белого мученичества» проясняют различные, во многом непохожие друг на друга люди, зачастую мало известные своим современникам, а то и вовсе безвестные. Крайне редко в современном обществе тихая свеча «совестного мученичества» оказывается поставлена на подсвечник всеоб-

¹ L'herméneutique du témoignage; Emmanuel Lévinas, penseur du témoignage // Ricoeur Paul. Lectures 3. Aux frontières de la philosophie. Paris: Seuil, 1994. P. 83-141.

² Подробнее об этом см.: Сигов К.Б. Проблема разрыва между онтологией и этикой в современных учениях о человеке // Учение Церкви о человеке. Материалы конференции. М., 2001. С. 380-396.

³ Митр. Сурожский Антоний (Блум). Пути христианской жизни. К.: Дух и литера, 2000. С. 21.

⁴ Епископ Каллист (Уэр). Внутреннее царство. К., 2003. С. 156.

щего внимания. Но целому ряду поколений ныне живущих людей был дарован символ «белого мученичества». Таким «символом аутентичного, чистого Христова Благовестия, не совместимого ни с фарисейством, ни с приноравливанием к духу времени, стал, как, пожалуй, никто другой, он: Владыка Антоний. Его духовного присутствия в сумеречной атмосфере позднесоветских десятилетий — я имею в виду, конечно, приезды в Россию, проповеди, беседы, но и чтение его проповедей в самиздатовских списках, и просто знание, что он есть на свете, — не смогло бы заменить ничто другое»¹.

Сегодня простое «знание, что он есть на свете» стало раной разлуки и другим ощущением присутствия в нашей жизни того, кто вернул точный и сильный смысл стертому слову «свидетель». Суть его в способности дать отчет о нашей вере каждому человеку, который этого потребует: ему нужны не зазубренные чужие схемы — нужен свидетель, способный сказать: «Да! Не бойся, — то чего ты ищешь, о чем мечтаешь — реально; я могу с достоверностью сказать: «Я знаю, что это правда»»².

Одному дано встретить Свидетеля, открывая страницы Евангелия, и понять: «Да! не бойся, сказанное здесь — правда». Другой удостоверится, когда увидит «на лице хоть одного человека сияние вечной жизни».

Каждому повседневно открыт путь, о котором говорит митрополит Антоний: «Мы посланы в мир для того, чтобы перед этим миром быть свидетелями. Можем ли мы быть свидетелями, если сами не сознаем своей веры, если мы не можем сказать человеку: я прошел тем же путем, и я тебе укажу хоть первые шаги на этом пути...»³

Кто-то прошел весь путь, но даже он не может сделать за нас «первые шаги», может — вместе с нами. «Первые шаги: протянутая рука, живое слово, и готовность, хотя бы даже со страхом в душе, засвидетельствовать правду Божию»⁴. На этом пути мы различаем свежие следы того, к кому смело можно отнести слова из пролога Евангелия от Иоанна: «Он пришел для свидетельства, чтобы засвидетельствовать о Свете, дабы все уверовали через него» (1:7).

¹ Аверинцев С. Владыка Антоний // Там же. С. 268.

² Митр. Сурожский Антоний (Блум). Цит. соч. С. 27.

³ Там же.

⁴ Там же.